

Д. КАССЕЛЬ

МЕЕРКЕ ИЗ МАЛОГО БУНДА

К-28

1930 МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Акт рел

Д. Нассель

К-286

ЧИТАЛЬНЯ ЛЕТОМ

М Е Е Р К А
ИЗ
МАЛОГО БУНДА

23632

Перевод с еврейского

ОБЛОЖКА И РИСУНКИ

худ. М. АКСЕЛЬРОД

молодая гвардия
1930

~~66065~~ 1957-58 г.
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТЯ ИВА

Центральная школа ФЗУ им. ИЛЬИЧА „Мосполиграф“

Главлит А—66887.

Заказ № 282.

Тираж 15.100

Статформат Б₆ 125×176 мм.

675127 жх. ред.

Российская государственная
детская библиотека

ДЕТИ-БОРЦЫ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Во времена царизма молодежь не создавала отдельных организаций, а прямо шла в партию. Так поступала и еврейская рабочая молодежь. А организация еврейских рабочих, „Бунд“, в главной своей массе и состояла из рабочей молодежи.

Помню, как буржуазия и буржуазная интеллигенция презрительно обзывали наше движение „движением мальчишек и девочек“.

Официально считалось, что в партию принимают только с 17-18-летнего возраста. Знала я и более молодых членов. Но раз старшие братья и сестры чуть ли не поголовно были в той или иной форме захвачены движением, ходили на биржу, читали и носили домой литературу, входили в „боевые отряды“, носили оружие и т. п. — то младшие естественно, не могли не подражать им. Они тоже толкались на бирже, даже пронюхивали о готовящихся демонстрациях, являлись на них, жадно ловили обрывки „агитации“, набрасывались на прокламации и т. д. В стачках им приходилось, конечно, участвовать еще тогда, когда они десятилетними детьми попадали в мастерские и фабрики. Они чувствовали себя в революционной среде, как рыба в воде. Старшие от них конспирировали, гнали их нередко прочь, не принимали их в кружки. Тогда ребята стали создавать собственные группы под названием „малый Бунд“. Членами „малого Бунда“ могли

быть все рабочие подростки до того возраста, когда их уже принимали в партию. Кое-где девочек в „малый Бунд“ сначала не принимали, но они быстро отвоевали себе это право.

Главной своей задачей, помимо агитации среди подростков, „малый Бунд“ считал помощь старшим рабочим в их политической и экономической борьбе. Ребята добровольно брали на себя обязанность подстерегать штрейкбрехеров. Они стравляли жизнь несговорчивым хозяевам, у которых происходила стачка: били стекла и делали им массу неприятностей. Они же помогали охранять бундовские собрания: следили за участком, за квартирой — пристава, жандарма, полицейского и, когда видели подозрительные признаки, сейчас же давали знать собранию. Они вечно искали и находили случай услужить „большому Бунду“.

Времена были крутые — расстрелы, избиения. Не хотелось ребятишек подвергать опасностям, их всячески старались гнать с „биржи“, не допускать на демонстрации. Но все это было безуспешно. Демонстрацию можно было законспирировать от самых опытных шпионов, — только не от „малого Бунда“. Обыкновенно масса заранее не знала, где именно будет демонстрация. Собирались в разных условных местах и там только узнавали, куда идти. Но незваные и непрошенные ребятишки вырастали там, как из под земли. У них тоже оказывалось заготовленное красное знамя с лозунгами, и они всегда норовили пробраться в первые ряды и покрывали своими звонкими возгласами голоса старших. Страх им был неведом. Опасность, ярость полицейских, налеты казаков — все это только веселило их. А царские палачи, конечно, не стеснялись расстреливать и избивать толпу оттого, что в ней были и дети.

Беззаветная удаль, безграничная настойчивость, настоящее благоговение перед взрослыми „борцами“ (так называли активных участников движения), детская, пылкая ненависть к буржуям, полицейским жандармам — вот чем полны были души пролетарских ребятишек.

Меерке тринадцать лет, но он не играет ни в лапту, ни в бабки, ни в „орлянку“. С тех пор, как он стал членом „малого Бунда“, у него нет лишнего времени для пустяков. Вернувшись с работы от маляра, Меерка наскоро перекусывает и, одев голубую косоворотку, отправляется с дюжиной сверстников на бундовскую „биржу“.

На „бирже“ он себя чувствует, как дома. Он старательно подражает взрослым парням и девушкам, которые прохаживаются группами взад и вперед по тротуарам и без умолку о чем-то толкуют между собой. Меерка тоже непрочь завести серьезный разговор со своими спутниками, но он знает слишком мало слов из тех, которые пригодны для разговоров на „бирже“...

Не следует, однако, думать, что Меерка такой же невежда, как и другие ремесленные ученики.

Меерке ничего не стоит повторить обрывки фраз, которые долетают до него, когда в каморку его старшего брата собираются товарищи, а Меерка стоит у запертой двери и подслушивает. Эти обрывки он успешно пускает в ход по вечерам на „бирже“, размахивая руками, как „большие“, и повергая в благоговейный трепет ребят.

Ребята уверены, что Меерке недолго осталось сидеть в „малом Бунде“. Его скоро, наверное, возьмут в „большой Бунд“. Он и теперь говорит и знает все не хуже взрослого...

— Капитал, — начинает Меерка, хмуря брови и принимая строгий вид, — капитал долго держаться не будет... Рабочий класс победит буржуазию... Рабочий класс...

И вдруг Меерка теряет нить и забывает, что в таких случаях говорят в каморке брата, когда он стоит, прильнув ухом к замочной скважине, и слушает. Но он не хочет прерывать так удачно начатую речь и продолжает уже своими словами:

— Рабочий класс сделает, так, так... так... чтобы было первый сорт! Будет не жизнь, а малина...

2

Воодушевившись, Меерка теряет деланную строгость. Глаза загораются. На висках начинают чаще и сильнее вздрагивать голубоватые жилки.

— Это будет называться „коммуной“, — продолжает он. — Каждый будет иметь все, чего ему только захочется. Захочешь орехов — бери орехи; апельсин понравится — бери апельсин... Белый хлеб, конфеты, пряники — всего сколько угодно и все бесплатно... И одежду всякий себе возьмет по вкусу: фуражки с блестящими козырьками, высокие сапоги, настоящие часы с ходом... Вот как будет!..

Ребята слушают, развесив уши и затаив дыхание.

Только один из них пробует усомниться:

— А когда же все это будет?..

Такого вопроса Меерка не предвидел. Он задумывается на мгновение, ожесточенно скребет затылок, заглядывается на окно нарядного магазина, на проносящиеся с грохотом по мостовой дрожки и мало вразумительно мямлит:

— Когда?.. А так... а тогда... а тогда...

И вдруг, преобразившись, выпаливает:

— А когда пролетариат восторжествует во всем мире! — и, неожиданно отрезав, победно оглядывается по сторонам.

Ребята, очевидно, удовлетворены ответом. Есть, разумеется, и такие, которые не прочь бы спросить: а где же живет этот добрый богатырь — Пролетариат, у которого для всех есть прозапас апельсины и настоящие часы „с ходом“?

Но ни один член „малого Бунда“ не решается поставить такой вопрос ребром.

А Меерка уже вышел из затруднения. У него внезапно всплывает в памяти превосходная фраза, которую он на днях отчетливо расслышал из-за дверей.

Она имеет прямое касательство к вопросу, и Меерка с великолепной небрежностью произносит ее, слегка запинаясь на трудном слове:

— Рабочий класс построит новый мир на обломках абс... абсолютизма!

Эта фраза, смысл которой не совсем ясен для самого оратора и вовсе непонятен слушателям, производит тем не менее потрясающее впечатление... Компания теснее смыкается вокруг Меерки. На лицах ребят написана явная гордость своим учителем и вождем.

*

3

Поздно. На „бирже“ остается все меньше и меньше народу. Редяющие кучки спешат докончить беседы. Лавочники с грохотом опускают железные шторы на окна магазинов, гремят засовами и вешают пузатые замки на двери. Раздается свисток полицейского. Кажется, будто ночь только теперь легла на опустевшие улицы хотя стемнело уже несколько часов назад...

Длинный тротуар „биржи“ почти совсем пуст. Уходят последние люди.

— Пойдем, что ли, — предлагает кто-то из ребят.

— Пора, — соглашается Меерка.

Погруженные в размышления о мало понятных, но таинственных и заманчивых вещах, ребята бредут домой.

Когда мальчики гурьбой сворачивают в узкий и грязный переулок, где живет Меерка, они сталкиваются с его старшим братом Аврамом. Тот хмурится и недовольно ворчит:

— Ишь, водитель выискался... От горшка два вершка, а тоже на „биржу“ норовит... Успеешь в свое время, рано принялся...

Слова брата сразу отравляют настроение Меерки. Его воодушевление меркнет. Молча он прощается с ребятами, толкает скрипучую калитку и мрачно плетется в дом. Он чувствует незаслуженную обиду...

*

4

Аврам ведет себя вообще крайне странно по отношению к Меерке.

Меерка никак не может постичь причин полупрезрительного равнодушия брата к „малому Бунду“ и к самому Меерке. Аврам как-будто не замечает его и не принимает его всерьез.

Почему бы не впустить Меерку на собрание в каморку, раз он такой смышленный и храбрый малый — Меерка знает себе цену — и раз он так предан всем тем вещам, о которых таинственно шепчутся товарищи брата?

Почему бы Меерку не послать по какому-нибудь тайному делу, почему бы не поручить ему, наконец, припрятать что-нибудь секретное?

Меерка видел, как брат таскает тайком на конюшню целые пачки бумаги и прячет их там.

Разве нельзя было этого дела доверить Ме-

ерке? Он, ведь, все равно знает, куда брат прячет эти пачки...

И досаднее всего то, что Аврам, как все говорят на „бирже“, чуть ли не „самый главный“ в „большом Бунде“. И каково его брату, Меерке, слушать это, если он еще ни разу не побывал ни на одном собрании в каморке!

Иногда раздражение против Аврама у Меерки переходит в тоску. Тогда он готов отозвать брата в угол, заговорить с ним шопотом, убедить его, что Меерке прекрасно известно, что такое и „капитал“, и „пролетариат“, и „абсолютизм“, что он не боится ни городских, ни пристава ни даже губернатора, который выезжает из своего дома на бульваре не иначе, как в карете, запряженной парой вороных коней. На Меерку можно положиться: он ни за какие блага никому ничего не выдаст.

Но у Меерки нехватает смелости заговорить с Аврамом. Он терпеливо стоит за дверью каморки и прислушивается: он будет все знать, он постигнет все тайны „большого Бунда“, и тогда дверь сама распахнется перед ним.

*

5

Притаившись в углу, Меерка ждет, пока низкая комната Аврама не наполнится парнями и девушками. Вот щелкает изнутри замок. Тогда Меерка выходит из своего убежища, подходит на цыпочках к двери и прикладывает ухо к замочной скважине.

Отец, которому вообще не по себе во время собраний в доме, сердито кричит из соседней комнаты:

— Опять за свое? Нечего там торчать... Не твое дело...

Но Меерка на слова отца и бровью не ведет. Он весь обращается в слух и с жадностью ловит непонятные, но звучные слова, которые доносятся из-за двери.

Сегодня Меерка потрясен: он услышал, что на субботу назначена демонстрация на главной улице города.

Брат говорит, что демонстрация должна пройти „твердо и решительно“.

— Надо приготовить знамена и во-время привести массы!..

Больше Меерка не слушает: с него достаточно. В субботу будет демонстрация, а что такое демонстрация — он знает прекрасно. В два прыжка он выбегает из дома и мчится в глубь переулка. У высокого забора, через который перевешиваются тяжелые ветви деревьев, Меерка останавливается. Вложив два пальца в рот, он издает резкий и протяжный свист.

*

6

Свист служит условным знаком. Через несколько минут у беседки в глубине сада в сборе весь „малый Бунд“. Мальчики с нетерпением ждут какого-то важного сообщения Меерки, который, по обыкновению, хмурится и супит брови. Выдержав паузу, он торжественно начинает:

— Товарищи, в ближайшую субботу состоится...

675124

Российская государственная
детская библиотека

Снова пауза. Нетерпение ребят напрягается до крайних пределов.

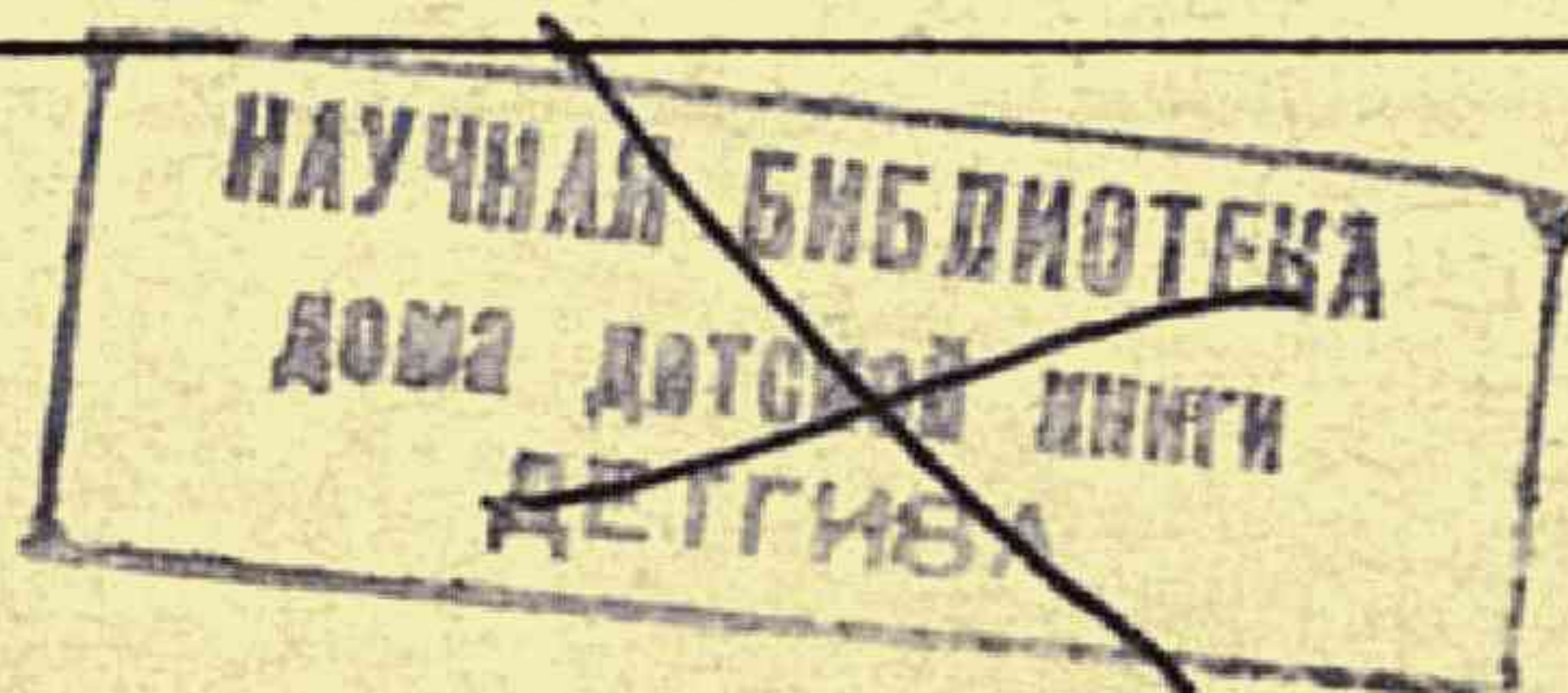
— Состоится — рабочая демонстрация! Надо приготовить массы и знамена...

Несколько парнишек срываются с мест и начинают прохаживаться, яростно отбивая такт, как солдаты. Этим они выражают наплыв чувств в связи с предстоящим шествием. Меерку самого тянет пройтись пару раз таким же манером, но он сдерживается и унимает строгим взглядом шалунов. Те усаживаются на места, и начинается обсуждение вопроса.

После недолгих споров выносится решение: в субботу созвать „массы“ у беседки в саду и вместе отправиться на демонстрацию. Хаимке, бледному мальчику с горящим голодным огоньком глазами, который славится умением рисовать, поручается изготовить знамя из красной бумаги.

Собрание кончено. Теперь и Меерке никто не возбранит пройтись по всему переулку во главе колонны, размахивая руками, отбивая ногами такт и звонко выкрикивая команду.

*

7

Работа в мастерской валится у Меерки из рук. По ночам его мучают кошмары, и он просыпается с криком на пересохших губах. Во сне и на яву он бредит демонстрацией.

Рано утром в субботу он бежит на условное место. Там уже собрались и „массы“ „малого Бунда“ со знаменем наготове. Меерка отдает несколько распоряжений и бежит домой. Дома ему не усидеть; через полчаса он уже опять в саду среди ребят. Затем он опять бежит домой. По дороге он встречает городского и показывает ему кулак в кармане.

Авраам еще дома. Он замечает суетливую беготню Меерки, но ничего не говорит. Меерка почти со злорадством думает, что сегодня, наконец, брат узнает, что за ребята в „малом Бунде“. Они пойдут впереди всего шествия с собствен-

ным знаменем и не испугаются никого, хоть бы на них напали драгуны, которые недавно появились в городе.

Ровно в два часа Меерка уже в последний раз бежит к товарищам в сад. „Массы“ ждут с нетерпением приказа выступить. Но Меерка не спешит. Он внимательно осматривает готовый флажок из блестящей красной бумаги, медленно сворачивает его и сует за пазуху так, что оттуда торчит только конец деревянной палки. Затем он приказывает разбиться на группы и двигаться.

„Малый Бунд“ кучками по несколько человек направляется к центру города.

*

8

Город тяжело цепенеет в зное. Солнце поднялось высоко, небо прозрачно и спокойно. В переулке тихо, и через забор из сада перелетают белые мотыльки.

Главные улицы безлюдны. Еврейские лавочки закрыты; на углах стоят постовые полицейские с полузакрытыми глазами и дремлют на солнышке. Стены домов и мостовая как-будто напоены огнем.

Чем ближе к площади, тем оживленнее становятся улицы. Проходят молодые и пожилые рабочие, по праздничному принаряженные работники. У всех неестественно возбужденные лица. Прибывают все новые и новые кучки. Кое-где вспыхивает и гаснет громкий смех. Полицейские на углах уже не дремлют, и с тревожным удивлением вглядываются в прохожих.

Среди взрослых рабочих по тротуарам и мостовой трутся и малыши во главе с Мееркой. Ребята опьянены сознанием вверенной им тайны. Они не шалят, а разгуливают медленно с достоинством. Взрослые их почти не замечают.

Меерка избегает встречи с братом. Дома, перед уходом, он страстно хотел, чтоб Аврам увидел его днем в толпе. Он замечает широкую спину брата далеко впереди, но не спешит туда, а сохраняет между ней и собой одно и то же расстояние.

*

9

Зычный выкрик:

— В ряды, товарищи!

И вдруг мостовая затопляется людьми, которые все прибывают как-будто их без устали извергают на улицу — все ворота, двери и переулки. Широкая нарядная улица запружена народом. Всюду головы, головы, а над толпой непрерывно гудит, как басовая струна, сдержанный и низкий говор.

Теперь, когда так тесно, что яблоку некуда упасть, „малый Бунд“ совсем расстался с робостью. Ребята начинают продвигаться к передним колоннам демонстрации. Меерка держит за пазухой „знамя“ и зорко следит за высоким рыжим рабочим-щетинщиком, который держит в руках какой-то большой завернутый предмет. Щетинщик оцеплен отборными рослыми парнями,

Откуда-то взлетает уверенный и сильный голос, и тысячи голосов, мужских и женских, подхватывают и несут над черной многоголовой улицей бодрую и радостную песню.

Кажется, что поет и голубое летнее небо, и высокие стены домов с балконами и окнами, униженными людьми, и пение перекачивается так мощно, что кружится голова и слегка мутится сознание. Меерке чудится, что огромная черная спина толпы поднялась и плывет по воздуху на волнах этой грозной ликующей песни.

Раздается какой-то выкрик из передних рядов шествия, и сотни голосов дружно ударяют:

— Ур-р-ра-а!..

И снова выкрик, уж в другом месте и в третьем, и снова громкое:

— Ур-ра-а!.. Ур-ра-а!..

Над толпой взмывает и вольно плещется огромное кроваво-красное полотнище знамени.

Меерка смотрит на балконы домов: там не поют, оттуда угрюмо и враждебно смотрят на толпу. Меерка знает, кто эти люди на балконах; это буржуазия вышла посмотреть на рабочее шествие.

Меерка вытаскивает из-за пазухи флажок и подымает его как можно выше над собой. Над толпой раздувается уж не один, а несколько алых парусов. Меерка смотрит в высокое небо, и ему кажется, что оно уходит все выше и выше.

Он видит вокруг себя многотысячную рабочую толпу и чувствует, что и он вырастает все выше и рвется в небо, как эти красные полотна, что он может обнять весь солнечный, поющий и многоголовый мир..

*

Неожиданно огромная черная спина толпы останавливается и колеблется. Издали, как-будто из-под земли вырастают люди в мундирах, качаются на лошадях и держат наготове винтовки.

Крепнущую песню прорывает выстрел...

Другой...

На мгновение тишина.

И вдруг огромная черная спина дробится на сотни маленьких человеческих фигур, которые рассыпаются и бегут в разные стороны, разрывая и увлекая за собой задние ряды...

Меерка чувствует, что его сжали и подняли вверх. Потом он перелетает на чью-то спину, а через мгновение летит на кучу опрокинутых и смятых людей и скатывается на булыжник мостовой. Он не чувствует ни боли, ни страха и мгно-

венно вскакивает на ноги, чтобы бежать. Но перед ним вырастает налитое кровью лицо друга. Плетеная нагайка со свистом ударяет его по лицу. Лицо заливают горячая влага, и в сознание впитывается нестерпимая боль.

Меерка почти без сознания падает на мостовую. От боли смежаются веки, одолевает странная сонливость. Он приоткрывает глаза и видит, как мимо него пробегают попеременно рваные башмаки, звякающие шпорами сапоги и грязно-белые женские туфли. Рука лежит в чем-то липком и теплом. Это — кровь, но кажется, не его кровь... Меерка с трудом поворачивает голову и видит, что рядом лежит навзничь рабочий, а возле него мальчик. Как похож этот мальчик на Хаимку...

Но грохот и крики куда-то внезапно проваливаются, и Меерка чувствует, что мостовая под ним поднялась с места и поплыла вниз, все быстрее и глубже. И сам он несется стремглав, но не падает, а тонет в каком-то легком и сладком забытьи.

*

Очнулся Меерка только на другой день, с забинтованной головой, в больнице. Белые кровати, белые стены, люди в белом. С соседних кроватей доносятся заглушенные стоны. Меерка тоже в такой кровати, как они, но стонать ему не хочется. Он почти не чувствует боли. Правда, голова непривычно тяжела.

Не сразу вспоминается вчерашнее. Медленно встает в памяти субботнее утро, толпа, знамена, драгуны, — и Меерка проводит рукой по обвязанной голове... Он чувствует, что его заливают жгучая радость.

Сколько раз слышал он, как за дверью говорили о „жертвах“. „Вы жертвою пали в борьбе роковой“ — поют в песне о рабочих героях. Теперь „малый Бунд“ тоже имеет своего героя и „жертву“. Теперь никто из больших не посмеет

смеяться над „малышами“ или попросту не замечать их.

Высокий бледный доктор в белом халате осматривает больных, говорит в полголоса с ними и с сопровождающей его фельдшерницей бесшумно выходит из палаты. Меерка опять засыпает.

Во сне он чувствует, что кто-то гладит его по волосам. Он открывает глаза и видит у своей кровати отца и мать. Меерка недовольно морщится и хочет отвернуться. Но за спиной матери он видит широкую фигуру брата и радостно улыбается.

Ему не хочется смотреть на понурую мать, на унылое лицо отца, Меерка хотел бы поговорить с Аврамом. Теперь он чувствует себя с ним, как равный.

Меерка, рад, что у него на голове повязка и что брат видит это.

— Вот и я „жертва“, — радостно повторяет он на этот раз вслух...

— Жертва, жертва, — ласково улыбаясь, соглашается брат.

Меерка краснеет от гордости. Родители укоризненно качают головой и отходят в сторону. Мальчик провожает их угрюмым взглядом.

Теперь он, наконец, наедине с братом. Без прежней робости он тянет к себе руку Аврама и с сияющими глазами спрашивает:

— Аврам, кого-нибудь арестовали?

Брат отвечает не сразу.

— Десять человек захватили...

— Ну, расскажи же, как это было...

Меерка настойчиво теребит руку брата и думает: «Я из „малого Бунда“, ты из „большого“... Я „жертвою пал“, а ты нет... Я равен тебе и даже превзошел тебя...»

Брат на минуту находится в замешательстве. Потом садится на кровать и гладит руку Меерки.

— Убито несколько человек... Среди них твой приятель Хаимка из „малого Бунда“...

На минуту с лица Меерки сбегает улыбка.

Но он недолго сожалеет о гибели товарища. Его мысли сосредоточены на другом. Меерка чувствует, что теперь брат не оттолкнет его от себя, что брат признает в нем теперь равного. Когда Аврам прощается и поворачивается к двери, Меерка приподнимается на кровати и кричит ему вслед:

— Не забудь притти завтра рассказать новости...

Аврам смеется и кивает головой.

Меерка знает, что он придет.

Меерка знает и другое, от чего ему хочется сорвать повязку с головы и на одной ноге закружиться волчком по палате. Он знает, что ему больше незачем будет прятаться по углам и подслушивать под дверью.

Он уже прошел боевое крещение!

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИВА

Н

50 =

ДЕСЯТЬ КОПЕЕК

